

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ К ПОЛИДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Анализируется модификация междисциплинарных связей источниковедения в зависимости от трансформации его дисциплинарного статуса, – составляющая методологии истории / субдисциплина исторической науки, – в корреляции с изменением объекта источниковедения. Выявлена имманентность связи феноменологической концепции источниковедения с психологией. Обосновывается гипотеза о полидисциплинарном конструировании объекта источниковедения при трансформации его в предметное поле исторической науки на основе концепта «эмпирическая реальность исторического мира».

Ключевые слова: русская версия неокантианства, феноменологическая концепция источниковедения, психология, исторический источник, система видов исторических источников, эмпирическая реальность исторического мира, предметное поле.

Examines the modification of the interdisciplinary connections of source study, depending on the transformation of its disciplinary status – a component of the methodology of history / a subdiscipline of historical science, – in correlation with the change of the object of source study. The immanence of connection of phenomenological conception of source study with psychology is revealed. The hypothesis about the multidisciplinary construction of the object of source study at the transformation of its subject in the subject field of historical science on the basis of the concept of "empirical reality of the historical world" is justified.

Keywords: Russian version of neo-Kantianism, phenomenological concept of source study, psychology, historical source, system of types of historical sources, empirical reality of the historical world, subject field.

Постановка проблемы и методология исследования

Среди актуальных тенденций современного гуманитарного и социального познания, несомненно, выделяется нарастание междисциплинарности, в основе которой принцип рассматривания исследуемого предмета познания с применением методов различных наук, и полидисциплинарности, под которой я понимаю синтетическое конструирование предмета исследования. Естественно, что сформулированное понимание междисциплинарности/полидисциплинарности носит сугубо рабочий характер и нуждается в уточнении, а, возможно, и в переопределении, но при любом понимании этих процессов они не могут не сопровождаться стремлением к более строгой дисциплинарной определенности как исторической науки в целом, так и ее отдельных субдисциплин, ибо никто не оспорил мудрость популярного нынче классика: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться».

Именно поэтому предмет доклада – модификация междисциплинарных связей источниковедения во взаимосвязи с трансформацией его дисциплинарного статуса, который, в свою очередь, менялся в корреляции с трансформацией объекта источниковедения [о дисциплинарном статусе источниковедения подробнее см.: 13].

Исследование проведено в рамках и с методологической позиций феноменологической концепции источниковедения, восходящей в своих эпистемологических основах к методологии исторического познания русской версии неокантианства (А. И. Введенский, 1856–1925; А. С. Лаппо-Данилевский, 1863–1919), развиваемой Научно-педагогической школой источниковедения, существовавшей с 1939 по 2011 г. на базе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – в составе Российского государственного гуманитарного университета; с 1994 г. – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) и в настоящее время консолидированной на основе сайта Источниковедение.ru [6].

Источниковедческий анализ в структуре методологии истории

Начнем с констатации двух очевидностей. С одной стороны, источниковедение оформилось в самостоятельную субдисциплину исторической науки исключительно в советской/российской историографии и продолжает развиваться на постсоветском пространстве, главным образом в Белоруссии, России и на Украине. Сам термин, вероятно, был заимствован из немецкой

историографии (Quellenkunde), но там он означал, по преимуществу, обзор источников и не имел дисциплинарного статуса.

С другой стороны, еще более очевидно, что источниковедение, точнее – источниковедческий анализ, – неотъемлемая составляющая методологии истории, причем в любой национальной историографической традиции. В момент своего возникновения источниковедческий анализ был самым тесным образом связан с филологической критикой, что обуславливалось преимущественно нарративным характером вовлекаемых в историческое исследование источников. Трудно не согласиться с Р. Дж. Коллингвудом в том, что именно филологическая критика как преимущественный метод изучения исторических источников обеспечила историческому познанию XIX века некоторую автономность от позитивизма [7, с. 125]. «Неподчиненность» исторического познания принципам позитивизма стала совершенно очевидной в условиях методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. Именно в рамках методологических поисков этого времени, и шире – эпистемологических попыток определения статуса исторической науки в системе научного знания в условиях так называемого «кризиса позитивизма» были приняты попытки выявить специфику объекта исторического познания. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что пути к определению имманентных характеристик объекта исторического познания, обуславливающих его специфику, были весьма извилисты. Наиболее известная попытка обоснования специфики исторической науки как науки о культуре и, соответственно, исторического знания как идиографического принадлежит Баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, 1848–1915; Г. Риккерт, 1863–1936), но баденцы последовательно отказывались от размышления об объекте исторического познания, акцентируя внимание на его логике [см., напр.: 12, с. 137–140 и след.]. Этот подход, на мой взгляд, не дает возможности говорить о модификации междисциплинарных связей в сфере изучения исторических источников, поскольку в центре внимания баденцев – историческое построение на основе сингулярного исторического факта и его аксиологические основания. Иное понимание истории – как науки о духе – предложил В. Дильтей (1833–1911). Утверждая концепцию описательной психологии как основания гуманитарных наук в противовес психологии объяснительной, тяготеющей к схемам естествознания, В. Дильтей пишет: «...необходимо показать, что всякая попытка создать опытную науку о духе без психологии <...> не может повести к положительным результатам» [3, с. 20–21]. Конечно, критика В. Дильтея и других философов, провозглашавших специфику наук о духе, с позиции неопределенности понятия «дух» [12, с. 138] вполне справедлива. Но, размышляя о способах решения задач описательной психологии, В. Дильтей призывает обращаться к «предметным продуктам психической жизни» [3, с. 99], кои и являются, по сути, эмпирическим объектом исторического познания, рассматриваемым с психологической точки зрения. Аналогичный подход мы обнаруживаем и в трактате основоположника русской версии неокантианства А. И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики», где автор, констатируя невозможность прямого наблюдения чужой душевной жизни, утверждает возможность реконструировать ее «... по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям...» [2, с. 7]. Стоит заметить, что вышеупомянутые авторы пришли к своим умозаключениям независимо друг от друга, причем трактат А. И. Введенского был опубликован в 1892 г., а «Описательная психология» В. Дильтея – в 1894. Вероятно, такое совпадение можно расценивать как проявление общего направления философско-эпистемологических поисков рубежа XIX–XX вв., психологического тренда в философии.

Наиболее строгое и методологически фундированное определение исторического источника дал А. С. Лаппо-Данилевский: «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [8, т. 2, с. 38]. Совершенно очевидно, что оно лежит в русле философско-психологических разработок А. И. Введенского и В. Дильтея [подробнее см.: 14].

Абсолютно органичным образом такое понимание исторического источника, его эмпирической природы, с одной стороны, приводит А. С. Лаппо-Данилевского к повышенному вниманию к

трусам его предшественников и современников по психологии, что убедительно показано в диссертационном исследовании М. П. Вальц [1], а с другой стороны, заставляет российского методолога, во-первых, положить обоснованный А. И. Введенским психологический принцип «признания чужой одушевленности» в основание своей эпистемологической концепции и, во-вторых, разрабатывая процедуры интерпретации исторического источника в системе методологии исторического познания, уделить особое внимание интерпретации психологической как основе не только общезначимого научного понимания исторического источника, а значит и его автора, но и конструирования исторического источника в сознании исследователя – феноменологическая составляющая концепции.

Особо следует подчеркнуть, что связь источниковедения как структурной составляющей методологии истории с психологией носит обоюдонаправленный характер: с одной стороны, исторический источник, понимаемый как объективация человеческой психики, требует для корректного изучения привлечения методов психологии, но с другой стороны, решить задачи «описательной психологии» (в терминологии В. Дильтея) или воспроизведения «чужой душевной жизни» (в терминологии А. И. Введенского), а по большому счету, базовую задачу гуманитаристики – понимания Другого, невозможно без обращения к объективированным/эмпирическим продуктам, созданным человеком, которые в терминологии исторической науки являются историческими источниками. Соответственно, источниковедение выступает как системообразующее начало всех гуманитарных и социальных наук постольку, поскольку они имеют дело с произведениями человека.

Источниковедение как научная дисциплина и как научное направление

Но исторический источник – это не только произведение индивидуума, но и продукт культуры. Обращение к фактору культуры в процессе порождения исторического источника привело Научно-педагогическую школу источниковедения к переопределению объекта источниковедения: от исторического источника – к системе видов исторических источников, что, в свою очередь, определило конституирование источниковедения как самостоятельной научной дисциплины. Под дисциплиной исторической науки понимается «историографически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая собственный объект исследования» [15, с. 93–94]. Во избежание терминологической путаницы стоит прояснить: с точки зрения таксономизации научного знания источниковедение, равно как и другие области исторической науки, имеющие собственный объект исследования, являются субдисциплинами исторической науки, но традиционно в историографии закрепился термин «дисциплина».

При таком подходе становится очевидным, что именно специальное внимание российских неокантианцев к объекту исторического познания – историческому источнику позволило источниковедению обрести статус дисциплины/субдисциплины исторической науки. Свой собственный автономный объект изучения – систему видов исторических источников источниковедение обретает в 1950–70-х гг. в процессе разработки целой серии учебных пособий по методике работы с историческими источниками [подробнее см.: 11, с. 143–156] и получает концептуальное оформление в конце XX в. в учебном пособии, разработанном Научно-педагогической школой источниковедения [5, см. также: 4].

Поскольку в рамках заявленной концепции источниковедения видообразующим фактором является целеполагание автора исторического источника (формируемое культурой и не всегда в полной мере рефлексированное индивидуумом), нацеленность источника на выполнение определенной функции в данном социуме, то система видов исторических источников, презентующая систему социокультурных функций того или иного социума, рассматривается как проекция культуры. При этом существенную роль в междисциплинарных взаимодействиях источниковедения продолжает играть психология, но уже на другом уровне. Источниковедческая категория «вид исторических источников» позволяет уловить нерелексированное автором «давление культуры», что соответствует постфрейдскому периоду развития психологии и отвечает общему тренду влияния психологической концепции З. Фрейда на развитие гуманитаристики в XX веке.

Кроме того, разработка структурной концепции источниковедения на основе видовой структуры корпуса исторических источников вполне соотносима с европейскими тенденциями развития исторической науки в послевоенный период: со структурной историей в немецкой историографии (В. Конце, 1910–1986) и подходами второго поколения «Школы „Анналов“» (Ф. Бродель, 1902–1985). Развитие источниковедения в этом направлении влечет за собой междисциплинарные взаимодействия с социальной/структурной историей, а значит и со всем спектром социального знания, а также с набирающими силу во второй половине XX в. культурной историей и новой культурной историей, которую отличает внимание к культурной составляющей социального [15, с. 242–244], что, в свою очередь, востребует междисциплинарные взаимодействия социальных наук и культурной истории. Таким образом, источниковедение встраивается в сложную систему междисциплинарных взаимодействий социальных и гуманитарных дисциплин.

В этот период, вероятно, наметилось смещение источниковедения от явно гуманитарной дисциплины, разрабатываемой на основе принципа «признания чужой одушевленности» к наукам социальным, что связано, в числе прочего, и с некоторым ограничением действенности принципа «признания чужой одушевленности» при движении субъекта истории от индивидуума к актору исторического процесса.

Источниковедение как научное направление и предметное поле

На рубеже XX–XXI вв. в рамках феноменологической концепции источниковедения было конституировано компаративное источниковедение как «...метод сравнительно-исторического исследования, базирующийся на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной активности человека...» [15, с. 226]. Это дает основание говорить о перерастании источниковедения из научной дисциплины в научное направление, т.е. определенный ракурс рассмотрения исторической реальности [15, с. 311–312], при сохранении его междисциплинарных связей и взаимодействий.

В настоящее время, вероятно, можно, с осторожностью, говорить о трансформации источниковедения в предметное поле исторической науки, т.е. такой области исторического знания в которой «...происходит целенаправленное конструирование исторического объекта, который, будучи сконструированным, выступает в качестве самостоятельного предмета исследования...» [15, с. 390–391]. Основу для такой гипотезы дает предложенный в 2008 году О. М. Медушевской (1922–2007), – признанный лидером Научно-педагогической школы источниковедения на протяжении последних десятилетий XX – начала XXI в., – концепт «эмпирическая реальность исторического мира» [см.: 10, 9]. Этот концепт окончательно конституировал источниковедение как направление исторического познания, но одновременно выявил тренд его движения в сторону предметного поля исторической науки. Конечно, необходимо учитывать эмпирическую природу заявленного объекта, что отличает его от конструкторов иных предметных полей исторического знания, но не снимает его полидисциплинарный характер, особенно с учетом феноменологической составляющей анализируемой концепции источниковедения.

Концепт «предметное поле исторической науки» является, с одной стороны, наименее разработанным в структуре современного исторического познания, но, с другой стороны, именно предметное поле обладает имманентным свойством полидисциплинарности, поскольку синтетически конструирует свой объект. Таким образом, движение источниковедения от составляющей методологии истории (объект – исторический источник) – к субдисциплине исторической науки (объект – система видов исторических источников) – к научному направлению и предметному полю исторического знания (объект – эмпирическая реальность исторического мира) сопровождалось нарастанием междисциплинарных связей источниковедения и смещением этих связей от гуманитарных наук к социальным, и выходом в начале XXI века на уровень полидисциплинарности.

Литература:

1. Вальц, М. П. Рецепция идей немецких ученых в работе А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: дис. канд. ист. наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Вальц Мария Павловна. – Москва : РГГУ, 2016. – 265 с. – (на правах рукописи).
2. Введенский, А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / Александра Введенского. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1892. – 119 с.
3. Дильтей, В. Описательная психология / Вильгельм Дильтей ; пер. с нем. Е. Д. Зайцевой ; под ред. Г. Г. Шпета. – 2-е изд. – Москва : Алетей, 1996. – 155 с.
4. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. Пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998 – 702 с. – (повтор. изд. 2000, 2004).
6. Источниковедение.ru [Электронный ресурс] : страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др. ; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010–2018. – Режим доступа : <http://ivid.usoz.ru/>, свободный.
7. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории // Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Колинвуд ; пер. и комм. Ю. А. Асеева ; ст. М. А. Кисселя. – Москва : Наука, 1980. – С. 5–320.
8. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1–2.
9. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. – 361 с.
10. Медушевская, О. М. Эмпирическая реальность исторического мира / О. М. Медушевская // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX науч. конф. : [в 2 ч.] – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. – [Ч. 1]. – С. 24–34.
11. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института : сб. / сост. Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцова ; под ред. В. А. Муравьева. – Москва. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001 – 227 с.
12. Риккерт, Г. Философия истории // Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем / Генрих Риккерт. – Москва : Республика, 1998. – С. 129–204.
13. Румянцова, М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки / Марина Федоровна Румянцова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск : ФГБОУ ВО Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ), 2017. – № 5 (166) – С. 44–51.
14. Румянцова, М. Ф. Философские основания методологии истории русской версии неокантианства: А.И. Введенский и В. Дильтей / М. Ф. Румянцова // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – Москва : ИВИ, 2018. – Вып. 62. – С. 16–32.
15. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.